

ПЕТР ВЯЗЕМСКИЙ

О ПИСЬМЕ ЕКАТЕРИНЫ
II К СУМАРОКОВУ

Петр Андреевич Вяземский

О письме Екатерины

II к Сумарокову

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24510480

Аннотация

«В любопытной переписке известного барона Гримма, в Париже напечатанной в 1812 году, находится письмо Екатерины к трагику Сумарокову. Не могу совершенно убедиться в его достоверности и в том, известно-ли оно в России или нет, но с одной стороны, находя на нем печать если не истины, то, по крайней мере, вероятия, а с другой, зная по опыту, что мы часто похожи на беспечных хозяев, кои от соседей узнают, что делается у них дома, решился перевести его из помянутой книги...»

Петр Вяземский

О письме Екатерины II к Сумарокову

В любопытной переписке известного барона Гримма, в Париже напечатанной в 1812 году, находится письмо Екатерины к трагику Сумарокову. Не могу совершенно убедиться в его достоверности и в том, известно-ли оно в России или нет, но с одной стороны, находя на нем печать если не истины, то, по крайней мере, вероятия, а с другой, зная по опыту, что мы часто похожи на беспечных хозяев, кои от соседей узнают, что делается у них дома, решился перевести его из помянутой книги. – Вижу сам, что, переводя на Русский язык вероятно Русский подлинник, я иду по следам того доброго Немца, который, по дружбе в Французам, подарил их своим Французским переводом Фенелонова Телемака, с коим познакомился он на Немецком языке. Но если удалось ему попасть на беспечных хозяев, то бесполезно-ли истратил он свои труды? Вот и мое утешение: иным, быть может, напомню, а других уведомя о письме, которое достойно занимать одно из первейших мест между грамотами в архиве республики Русской словесности. Не умею придумать великолепнейшего и поучительнейшего зрелища, как пример владыки народа, с престола братски подающего руку

писателям, образователях народов. И в сем священном зрелище Екатерина играет первое лицо. Возьмите её переписку с избраннейшими писателями её века. Великий Фридрих был сам Французский автор, и ласками своими, быть может, хотел подкупить необходимое для него одобрение старшин Французской словесности: но Екатерина *Великий*, по счастливому выражению принца де-Линь, была бескорыстнее в своих сношениях. И если (я не боюсь унижить её сим предположением), если славолюбие и управляло иногда её дружбою, то и сие славолюбие, основанное на благородном побуждении дорожить уважением людей превосходных, достойно похвалы и почтения. В царях же, коим, по несчастью, столь легко и простительно приучиться презирать общее современное мнение, такое славолюбие есть высочайшая добродетель. Многие возопиют против меня, потому что я говорю не в *сегоднешнем духе*; но я уверен, что переписка Екатерины с Вольтером, Даламбертом и другими философами её века займет в глазах справедливого потомства не последние листы в истории её блестящей жизни. Лучшими успехами своими на поприще уха обязаны мы движению, данному ей; оглянемся без предубеждения: где и что были бы мы, если вычесть из гражданственного я политического бытия России тридцать четыре года её деятельного царствования? Как желательно, чтобы у нас собрали, так сказать, частные памятники ума и великодушия Екатерины! В других красноречивых памятниках её славы искал бы я государя; в сих скром-

ных, но не менее красноречивых для внимания наблюдателей, искал бы я человека. Они утвердили бы иных в справедливой народной гордости, а других, может быть, со временем уверили бы, что они напрасно опираются в любви своей к отечеству на вражде к просвещению и образованности, считая их чуждыми и пагубными для нас новизнами. Но обратимся к барону Гримму; вот, что он говорит в письме к Мармонтелю:

«Русский поэт, сочинитель многих трагедий, Сумароков, в бытность свою в Москве, поссорился с первою актрисою столичного театра; такие случаи бывают в Москве, как и в Париже. Однажды Московский градоначальник назначил представление трагедии Сумарокова; но поэт не захотел этого, ибо помянутая актриса играла в ней первое лицо. Такая причина не убедила градоначальника отступить от своего намерения, и раздраженный поэт забылся до того, что при поднятии занавеса взбежал на сцену, схватил первую актрису, уже убрannую в трагические доспехи, и бросил ее за кулисы. Такое нарушение общественного порядка не показалось ему достаточным проступком, и в поэтическом своем исступлении написал он нескромно и дерзко к самой Императрице сряду два письма, исполненные жалоб и ругательств против актрисы. Ручаюсь, что и Французский поэт не мог бы его в этом случае перещеголять».

«Сказочник Мармонтель, что думаешь о последствиях такой непростительной выходки? *Не мудрено догадаться! наг-*

лые письма поэта Сумарокова недошли до Императрицы: министр, заведующий поэтическим департаментом, их прочел, и приказал, впредь до повеления, засадит господина поэта в темницу, где вероятно он и теперь еще сидит».

«К черту историческая сказка и сказочник исторический. такие развязки хороши в государствах, прославленных за кротость и учтивость нравов; но государственная образованность в России далека еще от такого совершенства. её Императорское Величество получила оба письма поэта, и давши свои повеления в Архипелаг, в Молдавию, в Крым, в Грузию и на берега Черного моря, успела написать и следующий ответ:

„Александр Петрович! Я весьма удивилась письму вашему от 28 января, а еще более письму 1 февраля. Оба, как кажется, заключают в себе жалобы на актрису, которая виновата только в том, что исполнила приказание графа Салтыкова. Фельдмаршал желал видеть представление вашей трагедии; это вам делает честь. Вам надлежало бы согласиться с желаниями особы, по месту своему, первой в Москве; но если рассудилось и приказать, чтобы трагедия ваша была представлена, то должно было без сопротивления исполнить её волю. Я думаю, что вы лучше других знаете, какого почтения достойны люди, служившие со славою, и коих голова покрыта сединами: и потому советую вам впредь избегать подобных ссор. Таким образом сохраните вы спокойствие души, нужное вам для ваших трудов и мне всегда приятнее будет

видеть страсти, изображенные вами в драматических творениях, чем читать их в ваших письмах. Впрочем, остаюсь вам доброжелательная“.

Советую всякому министру, заведующему департаментом ссылочных грамот (Lettres de cachet), списать это письмо, дабы оно могло служить ему формою для переписки с поэтами и со всеми другими, имеющими право быть рода раздражительного, то есть право быть по званию детьми и сумасбродами. После такого письма, бессмертие заслуживающего не менее других памятников мудрости и славы, ознаменовавшей нынешнее царствование в России, боюсь еще более утвердиться в грешной мысли, что ум нигде не портит, даже и на престоле».

В другом месте барон Гримм, приводя известный ответ Вольтера к Сумарокову, прибавляет:

«Пускай г. Сумароков заставляет писать себе письма первейших людей своего века; но не получит он никогда такого, которое достойно было бы войти в сравнение с письмом, коим удостоен он был от своей августейшей государыни. Сие письмо обнаруживает душу великую, столь простую и превосходную на первой земной степени, что я его свято буду хранить в числе прекраснейших дел царствования Екатерины II. В первый раз с того времени, как существуют правительства, государственная власть признает в подданном седины и заслуги, отечеству оказанные, почтеннее представительного звания, ею на него возложенного; в первый раз Ца-

рица обширнейшей империи в Европе не стыдятся обратиться к здравому смыслу, с добротой истинно материнскою, голову поэта, пользующегося правом иногда от него отклоняться, но у коего такое право было бы во всяком ином месте оспорено посредством правильных или неправильных *ссылочных грамот*».